
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Дмитрий Анатольевич Липинский

*Заведующий кафедрой конституционного и административного права, главный научный сотрудник Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
E-mail: dmitri8@yandex.ru*

Александр Александрович Иванов

*Доцент кафедры конституционного и административного права, старший научный сотрудник Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ale_iv@mail.ru*

Конституционно-правовая аномия как результат заимствования западных правовых конструкций*

Аннотация. Актуальность статьи определяется необходимостью выстраивания эффективной системы конституционного регулирования, отвечающей потребностям и направленности развития российского общества. Предметом исследования выступают существующие в юридической науке подходы к разработке конституционно-правовых конструкций, соответствующих условиям функционирования конкретного государства. Цель — юридическая характеристика и оценка западных правовых конструкций как причины конституционно-правовой аномии. Используются аналитический, исторический, компаративистский, формально-юридический методы. Вывод: заимствование западных правовых конструкций явилось одной из основных причин конституционно-правовой аномии в российском обществе. Необходим учет традиционных ценностей в рамках конституционного строительства, что определяет необходимость как обновления правового подхода к человеческой личности, так и дополнения, корректировки тех юридических идеалов, которые утверждаются в Основном Законе РФ.

Ключевые слова: идеология, имплементация, политика, права человека, правовая культура, Конституция Франции 1958 г., традиционные ценности, Конституция РФ.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>.

Dmitry Anatol'evich Lipinsky

Head of the department of Constitutional and Administrative Law, Chief Researcher of Tolyatti State University, Doctor of Legal sciences, Professor

Aleksandr Aleksandrovich Ivanov

Associate Professor of the department of Constitutional and Administrative Law, Senior Researcher of Tolyatti State University, Candidate of Legal sciences, Docent

Constitutional-Legal Anomie as the Result of Borrowing Western Legal Constructions

Annotation. *The relevance of the present research is determined by the need to build an effective system of constitutional regulation, meeting the needs and directions of the Russian society development. The work is subjected to the existing approaches to the formation of constitutional-legal constructions appropriate to the conditions of functioning of a particular state. The purpose of the article is to provide juridical characteristics and to view western legal constructions as the sources of constitutional-legal anomie. The authors apply analytical, historical, comparative, and formal legal methods. The authors come to conclusion that borrowing western legal constructions is being the one of major reasons caused constitutional-legal anomie in the Russian society. The authors believe that it is necessary to count traditional values within constitutional building and it determines the need to update juridical approach to a human personality and to enlarge and correct those legal ideals which are claimed in Basic Law of the Russian Federation.*

Keywords: *ideology, implementation, policy, human rights, legal culture, French constitution of 1958, traditional values, Constitution of RF.*

Прежде всего, считаем необходимым определить понятие конституционно-правовой аномии, выстраивая последовательный логический ряд в порядке убывания объема понятия, который будет выглядеть следующим образом: социальная аномия — юридическая (правовая) аномия — конституционно-правовая аномия. Понятие аномии для юриспруденции относительно новое и практически не используется в юридическом лексиконе (за исключением некоторых криминологических исследований), однако, введенное в научный оборот известным социологом Э. Дюркгеймом, оно нашло свое развитие в зарубежной правовой мысли. Говоря самым простым языком, аномия — это «безнормие», существующее на институциональном или внутреннем (субъективном) уровнях.

Правовое институциональное безнормие возникает в период активных преобразований, когда право не успевает за стремительно развивающимися общественными отношениями, в результате чего возникает «хаос», в том числе обусловленный и рассогласованностью самих правовых норм. Намного сложнее субъективная сторона юридической аномии, т. к. проявляется она в виде неприятия значительной частью населения правовых регуляторов. При этом речь не всегда может идти о маргинальных слоях общества. Внутреннее неприятие возникает в результате реформ «сверху», путем навязывания правовых конструкций, чуждых правовой культуре, существующим традициям, национальной идее и т. д. Другой аспект правовой аномии возникает в процессе самой реализации правовых норм в виде отсутствия учета правовых принципов, основополагающих доктринальных положений, посредством подмены законов подзаконными правовыми актами. Таким образом, явление правовой аномии — многоуровневое и многоаспектное, которое достаточно сложно выразить в одной формулировке.

На основании изложенного можно утверждать, что и конституционно-правовая аномия может проявляться на нескольких уровнях: институциональном; правореализационном и субъективном, т. е. в сфере правосознания. Эта проблема актуализируется по прошествии относительно длительного периода времени с момента принятия Конституции РФ, когда появляется осознание, что заимствованные западные конструкции

«идеальной» демократии не работают в наших условиях или являются для них совсем не приемлемыми, ввиду другого менталитета и культуры. Таким образом, конституционно-правовая аномия — это явление отсутствия, дисфункциональности или рассогласованности конституционно-правовых норм, проявляющееся на институциональном, правореализационном уровнях или в сфере правосознания.

Одной из особенностей зрелого общества выступает наличие совершенной системы правового, в том числе конституционного регулирования [1]. При этом в юридической литературе выдвигается предположение, что в правовых системах существуют регулятивные и конститутивные нормы, имеющие определенные различия [2].

Отметим, что культура в целом и правовая культура в частности — это общие черты, возникающие из общего опыта, в связи с чем общие подходы к конституционному строительству логичным образом могут различаться в разных регионах мира. Естественные условия в том или ином регионе Европы формировали политическую и правовую системы похожим образом [3], точно так же, как, например, этатизм и фаворитизм как ключевые черты традиционной китайской правовой культуры оказывают большое влияние на стремление современного Китая модернизировать свою правовую систему [4]. Одновременно с сохранением определенных национальных особенностей интернализация конституционного права лежит в русле концепта определения соразмерности национального и универсального в праве, который юриспруденция ищет в системе координат всечеловеческого цивилизационного проекта на неких духовно-нравственных началах [5, с. 14–15].

Конституции представляют собой сложный культурный объект для социально-правовых исследований, который не может быть адекватно описан с точки зрения одного только нормативного порядка [6], они предполагают артикуляцию множества правовых культур и обеспечивают слияние права с экономикой и религией [7]. Характерные конститутивные параметры каждого государства не постоянны во времени. На них влияют законодательные, политические и экономические факторы, а также правовая доктрина, что характерно для европейской правовой культуры [8]. В качестве примера схожих решений конституционного характера, принимаемых в последние годы многими государствами, обеспокоенными надлежащим функционированием своей избирательной системы, можно сослаться на повсеместное усиление государственных ограничений на иностранное финансирование неправительственных организаций. Во имя защиты нации от внешнего влияния в период проведения избирательных компаний более шестидесяти стран приняли соответствующие законы [9].

Импорт правовых идей из стран, которые считаются более развитыми с юридической точки зрения, часто имеет место в развивающихся странах. Обычно это приводит к напряжению или конфликту между правовыми культурами, если население не воспримет импортированный закон как легитимный, и, следовательно, граждане будут реагировать на соответствующие нормативные требования отрицательно, отказываясь принять их как справедливые, — явление, широко распространенное в Российской Федерации в 1990-е гг.

Рассматриваемое с точки зрения подобных воззрений, принятие Конституции РФ [10] 12.12.1993 явилось попыткой положить конец конфликту, возникшему между различными социальными силами в условиях постсоциалистического общества. Пытаясь разрешить клубок противоречий, российские власти приняли решение отталкиваться от существующего западноевропейского опыта конституционного строительства, который рассматривался ими в качестве универсального. Следует отметить, однако, что европейский опыт конституционализма был получен в рамках совершенно иной общественно-политической ситуации, что включает как предысторию формирования соответствующих государств, так и расстановку политических и социальных сил в рамках функционирования механизма государственного управления.

Несмотря на значительную историю советского конституционализма, положения действующей Конституции РФ во многом носят имплементированный характер, представляя собой интерпретацию на российской почве имеющихся в Европе подходов как в области организации государственной власти, так и в области закрепления прав человека. Спецификой российской ситуации, в числе прочего, было отсутствие в обществе широких групп населения, являющихся сторонниками конституционных способов организации государственной жизни, что обычно связывается с либеральными взглядами на

существо государственного устройства. Отметим, что подобная точка зрения исторически не имеет широкой социальной опоры в России. Либеральные взгляды и соответствующая идеология приобретает в российском государстве скорее научную, а не политическую направленность. Проникновение либеральных воззрений в сферу политического в российских реалиях нередко бывает связано как с наличием осознания отставания от Запада в области развития экономики и соответствующих социальных отношений, так и с прямой деятельностью агентов влияния иностранных государств, продвигающих соответствующее мировоззрение относительно существа государственно-юридических проблем, с которыми сталкивается российское государство.

«Правовая культура российского общества» — понятие собирательное, составленное из множества индивидуальных правовых культур его членов. Непреодолимый полиморфизм, характеризующий институт правовой культуры того или иного социума, с неизбежностью будет мешать усилиям социолога по обобщению присущих ему особенностей [11]. Существующие в данном отношении сложности обуславливают принятие многоуровневого подхода к изучению правовой культуры. Тот факт, что именно Конституция Франции 1958 г. (голлистская) имела определяющее значение в качестве образца при формулировании структуры и содержания Конституции России в 1992–1993 гг. (ельцинской), практически не вызывает сомнений в современной литературе. Сравнение французского опыта конца 1950-х гг. и российского конца XX — начала XXI вв. напрашивается хотя бы потому, что де Голлю удалось преодолеть кризис, угрозу гражданской войны и сохранить единство внутри государства в тот момент, когда Франция переживала один из самых тяжелых периодов в своей новейшей истории [12]. Б. Н. Ельцину пришлось столкнуться, в целом, с похожими проблемами, в связи с чем аналогии в выборе направлений конституционного строительства являются очевидными. Это позволяет говорить о юридической и социально-политической близости соответствующих конституций.

Развитие теории разделения властей во Франции оказало большое влияние на конституционную практику и государственное устройство в других европейских странах. Франция изначально ориентировалась на крайне сложную задачу, заключающуюся в том, чтобы создать конституционными средствами «сильную власть» во главе с Президентом страны. Глава государства рассматривался в качестве «авторитетного арбитра», поддерживающего национальные интересы в любых обстоятельствах, при сохранении принципа разделения и баланса властей, демократии, прав и свобод личности [13]. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в полном смысле этого слова современную демократию Франции удалось построить именно в период V Республики [14], что делало ее опыт небезынтересным для постсоветской России. Институт Конституционного Сопределения, использованный при обсуждении и доработке проекта Конституции РФ в 1993 г., сравним с обсуждением Конституции Франции 1958 г. на консультативном комитете, конституции обеих стран принимались на референдумах [15]. Однако французская конституция, устанавливая более лаконичный механизм внесения изменений, позволяет более гибко подходить к смене конституционных парадигм [16]. Несмотря на возможную пользу от использования зарубежного опыта конституционного строительства, представляется, что в мире отсутствует универсальный образец конституции, который мог бы быть без изменений использован другими государствами.

Следует различать закрепленные в конституции ценности (представительная демократия, плюрализм, права человека и т. д.) и формы их реализации, которые должны соответствовать существующим историческим традициям и достигнутому уровню политической и правовой культуры. При этом объективные условия управления государством, которое в тридцать три раза больше, чем Франция, по своему размеру, раскинулось на одиннадцать часовых поясов, где среднегодовая температура составляет минус два градуса по Цельсию, где проживают полторы сотни этносов, вряд ли позволяют некритично заимствовать зарубежные модели и рецепты построения «сильного государства» [17].

Проблемой является также и то, что, провозглашая человека и его права высшей ценностью, действующая Конституция РФ крайне мало говорит о его обязанности и ответственности — о тех вопросах, которые более подробно рассматриваются в конституциях таких наших ближайших соседей по СНГ, как Беларусь или Казахстан. При этом в сложные исторические эпохи именно идеи ответственности и патриотизма должны

пронизывать общество [18]. В связи с этим Конституция мало способствует формированию общественного спокойствия и дисциплины, ее восприятие как «поля свободы» порождает у многих извращенное сознание. У одних это состояние растерянности, отчаяния, в связи с тем, что вольность рождает безответственное поведение, у других — нравственная распущенность. Возникает ощущение, что авторы Конституции даже не сознавали, что создают фундамент совсем другого общества, которое они и сами вряд ли желали [19]. Недостатки Конституции РФ провоцируют власть на имитацию принципов демократии и народовластия в действующей политической практике [20].

При этом в момент принятия Конституции РФ не существовало никаких препятствий с точки зрения правотворческой техники конституционного строительства для того, чтобы прописать в Основном Законе систему прав и обязанностей, включаемых в правовой статус гражданина России, более сбалансированным образом. Как отмечено в работе О. Е. Кутафина, «объем отношений, образующих предмет конституционного права... зависит не от выявления тех или иных особенностей отношений, а от... воли государства, придающего этим отношениям основополагающий характер» [21]. В частности, если мы говорим о том, что за основу при формировании текста действующей российской конституции была взята конституция Франции 1958 г., то как раз отсутствие в указанной конституции системы прав человека может рассматриваться в качестве ее своеобразного недостатка. Конституционный статус личности французского гражданина в основном определен в более ранних документах, таких как Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и Преамбула к Конституции 1946 г.

Вместе с тем, с точки зрения современного европейского подхода к правовому статусу личности, существование правовой культуры в принципе часто рассматривается как залог приоритизации прав (не обязанностей) человека [22]. В западной литературе неоднократно было отмечено, что процесс юридикации в этой сфере общественных отношений самым непосредственным образом связан с состоянием правовой культуры общества [23]. Исторически на западе человек рассматривался с различных подходов, но вместе с тем преимущественно связанных с культурой, отдающей предпочтение индивидуализму личности [24]. Однако не следует забывать и о встречающихся в литературе воззрениях, в соответствии с которыми культурное разнообразие, выраженное, например, в различных нормативных порядках или правовых культурах, бросает как практический, так и теоретический вызов идее всеобщих прав человека [25].

В то же время как в царский, так и в советский периоды отечественной истории ценились идеалы коллективизма и интересы общины. Присутствуя в общественном сознании, такие традиционные ценности до сих пор продолжают оказывать влияние на функционирование Российского государства. Это определяет необходимость как обновления правового подхода к человеческой личности, так и дополнения, корректировки тех юридических идеалов, которые утверждаются в Основном Законе РФ.

Конституционно-правовая anomia может быть определена как свойственное отечественному конституционализму такое состояние соответствующих общественных отношений, которое характеризуется рассогласованностью как самих конституционных правовых норм, так и соответствующей практики их реализации. В значительной мере подобная рассогласованность выступает следствием попыток отразить в тексте Основного Закона западные правовые конструкции, которые при их системном рассмотрении оказываются не согласованными друг с другом, и, кроме того, являются чуждыми современному состоянию правовой культуры российского общества и достигнутому им уровню правового развития. Следует учитывать, что конституционные параметры государства зависят от множества факторов и не должны рассматриваться как неизменные во времени. Поэтому ни о какой универсальности разработанных в отдельных, например, западных государствах конституционных положений также говорить не приходится. Нарушается здесь и принцип научной обоснованности, когда, закрепляя комплекс прав человека и гражданина, Конституция крайне мало говорит о его обязанностях и ответственности, что делает неполной регламентацию конституционно-правового статуса личности. В преамбуле к действующей Конституции говорится о общей судьбе многонационального народа, о его ответственности за свою Родину, но далее в тексте соответствующая идеология совершенно не раскрывается, более того, наличие каких бы то не было государственных идеалов прямым образом запрещено, что лишает власть возможностей маневра в данном отношении. Подобного рода несогласованность снижает степень доверия населения

к соответствующим нормативным положениям и обуславливает пониженную эффективность конституционно-правового регулирования, в рамках которого сегментированность и непоследовательность норм отечественного конституционного права вносят элементы аномийности в соответствующие правоприменительные практики.

Пристатейный библиографический список

1. Problems of education of legal culture of students / Z. Ashirova, Z. Sydykova, Z. Yerkeku, Z. Kuanyshbayeva, G. Uristenbekova // *Cypriot Journal of Educational Sciences*. 2021. № 16. P. 3124–3132.
2. Arriagada M. B. Regulative Norms and Constitutive Norms in Law. *Ontology, Interpretation and Legal Culture* // *Doxa. Cuadernos de Filosofia del Derecho*. 2022. № 45. P. 377–410.
3. Sunde J. O. The History of Nordic Legal Culture and Court Culture: The Story of What Should not Have Been, but Still Came to Be // *Ius Gentium*. 2021. № 90. P. 49–67.
4. Hua S. *Chinese Legal Culture and Constitutional Order*: 1st ed. London: Routledge, 2019. doi:10.4324/9780429203688.
5. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2020.
6. Witte D., Bucholz M. *Verfassungssoziologie als Rechtskulturvergleich: Zur Theorie und Empirie der Analyse von Verfassungskulturen am Beispiel der USA und Polens* // *Zeitschrift für Rechtssoziologie*, 2017. № 37. P. 266–312. doi:10.1515/zfrs-2017-0016.
7. Borges Fortes P. R. Pluripoiesis of law and the kaleidoscope of legal cultures (Book Chapter) // *Law, Legal Culture and Society: Mirrored Identities of the Legal Order*. 2018. № 3. P. 44–58.
8. Amend-Traut A. Diversity or unity? Legal culture, correspondences and differences in the search for justice in Europe // *Glossae*. 2018. № 15. P. 32–49.
9. Bromley P., Schofer E., Longhofer W. Contentions over world culture: The rise of legal restrictions on foreign funding to NGOs, 1994-2015 // *Social Forces*. 2020. № 99. P. 281–304.
10. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993; в ред. от 04.10.2022 // *Российская газета*. 1993. 25 дек.
11. Sbraccia A., Vianello F. *Legal culture and professional cultures in the prison system* // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. № 12. P. 1463–1491.
12. Гуторов В. А. *Голлизм и современная Россия* // *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2008. Т. 180. С. 8–33.
13. Прокофьев В. Н. Конституционно-правовой опыт регламентации президентской власти во Французской Республике (история и современность) // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 4. С. 74–80.
14. Марача В. Г. К двадцатилетию институционального разделения власти в России: уроки французской Конституции 1958 года // *Право и политика*. 2013. № 13. С. 1930–1941.
15. Бутько Л. В. Возможности использования в России французского опыта конституционных реформ // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 23. С. 92–98.
16. Трегубов М. В. Процедура внесения изменений в конституции России и Франции: сравнительный анализ // *Российский журнал правовых исследований*. 2019. Т. 6, № 3. С. 123–129. doi:10.17816/RJLS19114.
17. Федоров С. М. Французский опыт «сильного государства» (к 60-летию принятия конституции Пятой республики) // *Право: история и современность*. 2018. № 4. С. 124–130. doi:10.17277/pravo.2018.04.pp.124-130.
18. Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // *Юридический мир*. 2015. № 2. С. 23–30.
19. Авакьян С. А. Конституция и парламент: размышления по поводу юбилея // *Российская Федерация сегодня*. 2008. № 23. С. 2–6.
20. Боброва Н. А. 20 лет и 20 недостатков Конституции // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 3. С. 33–35.
21. Кутафин О. Е. *Предмет конституционного права*. М.: Юрист, 2001.

22. Asmara T., Noho M. D. H. Religion and Cosmopolitan Society: Religious Conflict Settlement Based on Legal Culture // *Cosmopolitan Civil Societies*. 2022. № 14. P. 46–60.
23. Catanzariti M. The juridification of vulnerability in the European legal culture // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. № 12. P. 1391–1416.
24. Legal approach human person, western culture versus contemporary andean culture. Does individualism prime / J. R. Q. Zapana, H. C. Mamani, H. N. C. Aybar, J. H. Nuñez // *Universidad y Sociedad*. 2022. № 14. P. 459–468.
25. Hastrup K. *Legal cultures and human rights: the challenge of diversity*. New York : Kluwer Law International, 2021.

References

1. Problems of education of legal culture of students / Z. Ashirova, Z. Sydykova, Z. Yerkeku, Z. Kuanyshbayeva, G. Urystenbekova // *Cypriot Journal of Educational Sciences*. 2021. № 16. P. 3124–3132.
2. Arriagada M. B. Regulative Norms and Constitutive Norms in Law. Ontology, Interpretation and Legal Culture // *Doxa. Cuadernos de Filosofía del Derecho*. 2022. № 45. P. 377–410.
3. Sunde J. O. The History of Nordic Legal Culture and Court Culture: The Story of What Should not Have Been, but Still Came to Be // *Ius Gentium*. 2021. № 90. P. 49–67.
4. Hua S. *Chinese Legal Culture and Constitutional Order* : 1st ed. London : Routledge, 2019. doi:10.4324/9780429203688.
5. Habrieva T. YA., Chernogor N. N. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka. / M. : Rossijskaya akademiya nauk; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 2020 [The legacy of academician V. S. Stepin and legal science. / M.: Russian Academy of Sciences; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2020].
6. Witte D., Bucholz M. Verfassungsoziologie als Rechtskulturvergleich: Zur Theorie und Empirie der Analyse von Verfassungskulturen am Beispiel der USA und Polens // *Zeitschrift für Rechtssoziologie*, 2017. № 37. P. 266–312. doi:10.1515/zfrs-2017-0016.
7. Borges Fortes P. R. Pluripoiesis of law and the kaleidoscope of legal cultures (Book Chapter) // *Law, Legal Culture and Society: Mirrored Identities of the Legal Order*. 2018. № 3. P. 44–58.
8. Amend-Traut A. Diversity or unity? Legal culture, correspondences and differences in the search for justice in Europe // *Glossae*. 2018. № 15. P. 32–49.
9. Bromley P., Schofer E., Longhofer W. Contentions over world culture: The rise of legal restrictions on foreign funding to NGOs, 1994-2015 // *Social Forces*. 2020. № 99. P. 281–304.
10. Konstituciya RF : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993; v red. ot 04.10.2022 // *Rossijskaya gazeta*. 1993. 25 dek. [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993; in ed. from 10/04/2022 // *Russian newspaper*. 1993. 25 Dec.]
11. Sbraccia A., Vianello F. Legal culture and professional cultures in the prison system // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. № 12. P. 1463–1491.
12. Gutorov V. A. Gollizm i sovremennaya Rossiya // *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. [Gollism and modern Russia // *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*] 2008. Vol. 180. Pp. 8–33.
13. Prokof'ev V. N. Konstitucionno-pravovoj opyt reglamentacii prezidentskoj vlasti vo Francuzskoj Respublike (istoriya i sovremennost') // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. [Constitutional and legal experience in the regulation of presidential power in the French Republic (history and modernity) // *Constitutional and municipal law*.] 2017. No. 4. Pp. 74–80.
14. Maracha V. G. K dvadcatiletiyu institucional'nogo razdeleniya vlasti v Rossii: uroki francuzskoj Konstitucii 1958 goda // *Pravo i politika*. [To the twentieth anniversary of the institutional division of power in Russia: lessons from the French Constitution of 1958 // *Law and Politics*] 2013. No. 13. Pp. 1930–1941.
15. But'ko L. V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya v Rossii francuzskogo opyta konstitucionnyh reform // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. : Filosofiya. Sociologiya. Pravo. [Possibilities of using the French experience of constitutional reforms in Russia // *Scientific bulletins of the Belgorod State University*. Ser. : Philosophy. Sociology. Law.] 2013. No. 23. Pp. 92–98.

16. Tregubov M. V. Procedura vneseniya izmenenij v konstitucii Rossii i Francii: sravnitel'nyj analiz // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. [Procedure for amending the constitutions of Russia and France: comparative analysis // Russian Journal of Legal Research] 2019. Vol. 6, No. 3. Pp. 123–129. doi:10.17816/RJLS19114.
17. Fedorov S. M. Francuzskij opyt «sil'nogo gosudarstva» (k 60-letiyu prinyatiya konstitucii Pyatoj respubliki) // Pravo: istoriya i sovremennost'. [French experience of a “strong state” (on the 60th anniversary of the adoption of the Constitution of the Fifth Republic) // Law: history and modernity] 2018. No. 4. Pp. 124–130. doi:10.17277/pravo.2018.04.
18. Avak'yan S. A. Rossijskij konstitucionalizm: neskol'ko tezisov o neotlozhnyh zadachah // YUridicheskij mir. [Russian constitutionalism: several theses on urgent tasks // Legal World] 2015. No. 2. Pp. 23–30.
19. Avak'yan S. A. Konstituciya i parlament: razmyshleniya po povodu yubileya // Rossijskaya Federaciya segodnya. [Constitution and Parliament: reflections on the anniversary // Russian Federation today] 2008. No. 23. Pp. 2–6.
20. Bobrova N. A. 20 let i 20 nedostatkov Konstitucii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. [20 years and 20 shortcomings of the Constitution // Constitutional and municipal law.] 2013. No. 3. Pp. 33–35.
21. Kutafin O. E. Predmet konstitucionnogo prava. [Subject of constitutional law] M. : Yurist» [Jurist Publishing house], 2001.
22. Asmara T., Noho M. D. H. Religion and Cosmopolitan Society: Religious Conflict Settlement Based on Legal Culture // *Cosmopolitan Civil Societies*. 2022. No. 14. Pp. 46–60.
23. Catanzariti M. The juridification of vulnerability in the European legal culture // *Onati Socio-Legal Series*. 2022. № 12. P. 1391–1416.
24. Legal approach human person, western culture versus contemporary andean culture. Does individualism prime / J. R. Q. Zapana, H. C. Mamani, H. N. C. Aybar, J. H. Nuñez // *Universidad y Sociedad*. 2022. № 14. P. 459–468.
25. Hastrup K. *Legal cultures and human rights: the challenge of diversity*. New York: Kluwer Law International, 2021.